

№ 4 (160)

апрель 2017

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Духовно-нравственное воспитание в школе

Владимир Разуваев

Консерватизму нужен оппонент

Эльдар Касаев

Россия и Саудия скрестили шланги

Вячеслав Сухнев

Реваншизм поднимает голову?

Дмитрий Калюжный

«Московская компания» и «голландские немцы»

Виктор Шаховский

Экология: пропорции добра и зла

Сергей Чупин

Homo urbis

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Александр Спиридович

Великая война и Февральская революция

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Александр СПИРИДОВИЧ

Появление в Государственной Думе Великого Князя произвело тогда большое на всех впечатление. И если одни радовались этому поступку, видя в нём одно из доказательств успеха революции, то другие были огорчены, считая поступок изменой Государю и недостойным для члена династии. Часов около 8, усталый физически и морально, В. Князь вернулся к себе во дворец. Там его ожидал Гучков. Он был занят обороной Петрограда. По слухам, к столице идут эшелоны генерала Иванова. Гучков просил В. Князя занять с Гвардейским экипажем главный вокзал, что, по его словам, предотвратит кровопролитие. В. Князь ответил категорическим отказом...

Александр Иванович СПИРИДОВИЧ

Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник Императорской дворцовой охраны, родился 5 августа 1873 года в Архангельске (по другим источникам — в Кеми), в семье офицера пограничной стражи Ивана Матвеевича Спиридовича и Анны Александровны, по материнской линии происходившей из рода баснописца Крылова. Получил образование в Аракчеевском кадетском корпусе в Нижнем Новгороде (1884–1891), затем поступил в Павловское пехотное училище в Санкт-Петербурге (1891–1893). Направлен служить в 105-й пехотный Оренбургский полк в Вильну (Вильнюс).

В 1897 году Спиридович подал прошение на высочайшее имя о переводе в Отдельный корпус жандармов, куда зачислен по окончании соответствующих курсов в конце 1899 года. С начала 1900 года прикомандирован к Московско-му охранному отделению под начало С. В. Зубатова. С переходом Зубатова в Особый отдел Департамента полиции, ведавший политическим розыском в империи, Спиридович назначен начальником Таврического охранного отделения в Симферополе, а с 1903 года — Киевского. 14 мая 1903 года он арестовал в Киеве руководителя боевой организации эсеров Гершуни.

28 мая 1905 года тяжело ранен бывшим секретным сотрудником, социал-демократом П. М. Руденко, после чего несколько месяцев провёл на лечении. В начале 1906 года откомандирован в распоряжение дворцового коменданта Д. Ф. Трепова и назначен начальником дворцовой Охранной агентуры.

После убийства Столыпина в 1911 году привлечён к расследованию по обвинению в непринятии мер охраны премьер-министра, но не потерял доверие Николая II и не был отставлен от должности. Во время Первой мировой сопровождал царя во всех поездках. Организовал охрану Николая II в ставке в Могилёве.

Во время Февральской революции прибыл в Петроград, был арестован Временным правительством, содержался в Петропавловской крепости. В начале октября 1917 года освобождён под денежный залог.

В 1920 году эмигрировал во Францию. Был деятелем Русской монархической партии в Париже. В 1926 году участвовал в качестве делегата от Франции в Российском зарубежном съезде. Выступал с многочисленными публичными лекциями по истории российского революционного движения и борьбы с ним, а также о членах царской семьи. Опубликовал несколько работ на эти темы и собственные мемуары. Наиболее известны книги «Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.», Нью-Йорк, 1960–1962; «Записки жандарма», Харьков, 1928.

В 1950 году переехал в США. Скончался в Нью-Йорке 30 июня 1952 года в возрасте 78 лет.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Александр СПИРИДОВИЧ

1 марта в Петрограде

С утра 1 марта во всех воинских частях Петрограда волнение. Солдаты требуют, чтобы офицеры вели их в Государственную Думу. Все желают выразить подчинение новой власти. Озлобление на офицеров растёт. Многих из них уже разоружили. Некоторых избили за то, что вчера и позавчера они скрылись из казарм, не стали сразу на сторону революции. И теперь, когда офицеры возвращаются в казармы и хотят водворить там порядок, им не верят, их боятся. В них видят сторонников Царской власти, врагов революции.

Офицеры, повинуясь, с одной стороны, призыву Родзянко, с другой — требованию солдат, решают идти с частями в Государственную Думу. Некоторые, в большинстве не кадровые, стали как будто искренно на сторону революции. Многие украсились красными бантами.

И войсковые части идут по направлению к Государственной Думе с красными флагами, со взятыми из полковых церквей старыми боевыми знамёнами, к которым привязаны красные банты и ленты. Одним из первых явился рано утром 180-й запасный пехотный полк, что привело в восторг настоящих революционеров. Явилась команда Конвоя Его Величества из нестроевых чинов. При ней не было ни одного офицера. Храбрый депутат Думы, казак, называвший себя есаулом, Караулов, бывший в те дни часто под давлением винных паров, приветствовал казаков и приказал арестовать офицеров Конвоя, раз они не хотят становиться на сторону революции.

С оркестром, игравшим «Марсельезу», явился эскадрон жандармского дивизиона. Революционеры радовались, думая, что были жандармы политической полиции. Подходили запасные батальоны гвардейских полков, при них много офицеров. Забыт девиз Андреевской звезды «За веру и верность». Некоторые полковые дамы плачут, видя своих мужей под красными знамёнами. Пришло Павловское военное училище. Батальон училища собирался идти походным порядком «туда, где Государь». В училище поехал Караулов с одним ещё думцем и убедил офицеров, что Государь уже отрёкся, что ждут только оформления.

В Государственной Думе с утра кишит толпа солдат и всякого люда, заполнившая все помещения. В главном подъезде навалены груды съестных продуктов. Висят две туши мяса. Около, как бы для декорации, два конвойца в красных парадных «мундирах». Им и в голову не приходит, что они позорят Конвой Его Величества, который до отречения Государя честно нёс свою службу Государю.

В комнате номер 13 собирается Исполком. Здесь царство присяжного поверенного Соколова, Суханова-Гиммера и Стеклова-Нахамкеса. Представите-

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Александр СПИРИДОВИЧ

1 марта в Петрограде

С утра 1 марта во всех воинских частях Петрограда волнение. Солдаты требуют, чтобы офицеры вели их в Государственную Думу. Все желают выразить подчинение новой власти. Озлобление на офицеров растёт. Многих из них уже разоружили. Некоторых избили за то, что вчера и позавчера они скрылись из казарм, не стали сразу на сторону революции. И теперь, когда офицеры возвращаются в казармы и хотят водворить там порядок, им не верят, их боятся. В них видят сторонников Царской власти, врагов революции.

Офицеры, повинуясь, с одной стороны, призыву Родзянко, с другой — требованию солдат, решают идти с частями в Государственную Думу. Некоторые, в большинстве не кадровые, стали как будто искренно на сторону революции. Многие украсились красными бантами.

И войсковые части идут по направлению к Государственной Думе с красными флагами, со взятыми из полковых церквей старыми боевыми знамёнами, к которым привязаны красные банты и ленты. Одним из первых явился рано утром 180-й запасный пехотный полк, что привело в восторг настоящих революционеров. Явилась команда Конвоя Его Величества из нестроевых чинов. При ней не было ни одного офицера. Храбрый депутат Думы, казак, называвший себя есаулом, Караполов, бывший в те дни часто под давлением винных паров, приветствовал казаков и приказал арестовать офицеров Конвоя, раз они не хотят становиться на сторону революции.

С оркестром, игравшим «Марсельезу», явился эскадрон жандармского дивизиона. Революционеры радовались, думая, что то были жандармы политической полиции. Подходили запасные батальоны гвардейских полков, при них много офицеров. Забыт девиз Андреевской звезды «За веру и верность». Некоторые полковые дамы плачут, видя своих мужей под красными знамёнами. Пришло Павловское военное училище. Батальон училища собирался идти походным порядком «туда, где Государь». В училище поехал Караполов с одним ещё думцем и убедил офицеров, что Государь уже отрёкся, что ждут только оформления.

В Государственной Думе с утра кишит толпа солдат и всякого люда, заполнившая все помещения. В главном подъезде навалены груды съестных продуктов. Висят две туши мяса. Около, как бы для декорации, два конвойца в красных парадных «мундирах». Им и в голову не приходит, что они позорят Конвой Его Величества, который до отречения Государя честно нёс свою службу Государю.

В комнате номер 13 собирается Исполком. Здесь царство присяжного поверенного Соколова, Суханова-Гиммера и Стеклова-Нахамкеса. Представите-

ли русской демократии. Рядом в зале гудит тысячная толпа рабочих и солдат. Это знаменитый Совет пока только рабочих депутатов. Во главе его Чхеидзе, а заправляют им всё тот же Соколов, Скobelев и Исполком.

В двух дальних задних комнатах устроился вытесненный туда Временный Комитет Государственной Думы с грозным по виду Родзянко. Комитет — это ка-жущийся возглавитель и руководитель революции. Его председатель и члены то и дело выходят на улицу встречать пришедшие на поклон войсковые части. Произносят патриотические речи, призывают к защите родины, к порядку и дисциплине.

Нервно настроенная толпа жадно хватает каждый интересный слух. С утра в Думе передают, что Царский поезд задержан. Что и как — никто не знает. Шушукаются, что будет с Государем. Радостно встречено известие, что Петропавловская крепость «взята». Лихой офицер в кавказской черкеске, с заломленной назад папахой, геройски рассказывает, как он «взял» со своими крепость и как красиво доложил о том по телефону Родзянко. Несколько времени он был комендантом Трубецкого бастиона. Передают, кто с ужасом, кто со злорадством, о бунте в Кронштадте. Замучен и убит главный начальник адмирал Вирен, несколько десятков офицеров, адмирал Бутаков, генерал Стронский. Временный комитет встревожен. Надо защитить офицеров. Через них надо водворить порядок среди солдат, взять в руки гарнизон, а через него восстановить порядок...

Но, прежде всего надо овладеть гарнизоном и встретить идущие с фронта войска. Этим занимается Военная комиссия, которую вместо Энгельгардта возглавил Гучков.

Энгельгардт же назначен комендантом Таврического дворца. Он должен организовать его оборону. Этот юркий полковник, из желания ли подделаться под настроение толпы или по растерянности, успел отдать по гарнизону приказ, воспрещавший офицерам отбирать у солдат оружие, причём грозили виновным строгими наказаниями до расстрела включительно.

Такой приказ настраивал солдат на офицеров.

***

В Исполком с утра приходят солдаты с жалобами на офицеров. Офицеры, мол, возвращаются в казармы, восстанавливают прежний порядок. Они контрреволюционеры. Они за Царя, хотят покончить с революцией, заступитесь! Руководители Исполкома отлично понимают, как важно иметь в своих руках солдатскую массу гарнизона. Надо обезвредить офицеров. Исполком принимает гениальную по революционности меру. По его инициативе совет рабочих депутатов постановил пополнить состав совета делегатами от воинских частей, по одному от каждой роты и подобной ей воинской единицы.

Таким образом, Совет рабочих депутатов перестроился и переименовался в Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет немедленно же выбрал 10 представителей от солдат в исполком.

Наконец, Совет принял самое главное решение, которым разрушал армию как таковую. Совет постановил перевести армию на «гражданское положение». То есть чтобы солдатам были даны все гражданские права, не считаясь с требованиями военной службы, её духом и существом.

По подсказу Совет принял постановление, которым поручал Исполкуму оформить все его постановления в особом приказе и представить его на утверждение Совета. Исполком выбрал комиссию, которая, под председательством

Соколова, и составила приказ, принятый Исполкомом и утвержденный Советом. То был знаменитый приказ номер первый.

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать **КОМИТЕТЫ** из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые ещё не выбрали своих представителей в Совет рабочих и солдатских депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулемёты, бронированные автомобили и прочее — должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и **НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВЫДАВАТЬСЯ ОФИЦЕРАМ**, даже по их требованию.

6. В строю и при исполнении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чём не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и **ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОТДАНИЕ ЧЕСТИ ВНЕ СЛУЖБЫ ОТМЕНЯЕТСЯ**.

7. Равным образом отменяется и титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий **ПРИКАЗ** прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах».

Таков был преступный приказ номер первый, которым наносился могучий предательский удар с тылу по Русской армии. Ответственными за него пред родиной являются: его главные составители и вдохновители присяжный поверенный Соколов, циммервальдовец-пораженец Суханов-Гиммер, считавшийся большевиком Стеклов-Нахамкес и, как главные, начальнические персонажи Совета и Исполкома, — председатель соц. демократ Чхеидзе и товарищ председателя Керенский. Керенский, считавшийся социалистом-революционером, был в те дни первым по значению, по силе, по влиянию человеком, человеком, владевшим тогдашней толпой.

Приобщившись к власти, сделавшись через два дня министром юстиции, а позже и верховным главнокомандующим, Керенский перестал быть пораженцем, он даже сделался патриотом, но зло, и зло непоправимое, уже было сделано.

***

В тот день, вернувшись после завтрака домой, я нашёл в квартире разгром. Вещи были перерыты, унесена пара высоких военных сапог. В столовой на столе остатки закуски, две опорожнённых бутылки вина, три стакана. На мой запрос в домовую контору объяснили, что так как квартира записана на Дворцовую охрану, то какие-то солдаты приходили её осматривать. Старший дворник, явившись, советовал лучше уезжать и уже, во всяком случае, не ночевать дома. «Всё может быть, ваше превосходительство, по нынешним временам, — резонно сказал он. — Нехорошо говорят про Государя Императора, всё может быть». Я поблагодарил за предупреждение, дал на чай, принял к сведению.

Переговорив по телефону, где бы можно было переночевать, протелефонировал Белецкому. Тоном убитого, расстроенного человека, иногда всхлипывая, видимо от душивших его слёз, Белецкий сообщил, что он только что узнал, что в Думе решено отречение Государя. Всё кончено. Бедный Государь! Отречение — дело часов. Поезд Государя уже задержан. Белецкого пока не трогали, но он уже подготовился к аресту. Советовал и мне сделать то же. Распрощались.

***

В Исполкоме, ещё до начала обсуждения солдатского вопроса, уже знали, что Императорский поезд где-то задержан. Это приподняло настроение. Затем дошли слухи, что временный комитет принял относительно Николая II какое-то решение. Но вот с вокзала дали знать, что Родзянко требует приготовить для него экстренный поезд для поездки навстречу Государю. Железнодорожники спрашивают, как прикажет поступить Исполком. Давать или не давать поезд? От Родзянки же в то же время явился офицер и жаловался Исполкуму, что председателю не дают поезда, ссылаясь на распоряжение Исполкома.

Исполком всполошился. Стали обсуждать вопрос «об Николае II». Суханов-Гиммер злобно и горячо доказывал «что Родзянко пускать к Царю нельзя». Что через Родзянко буржуазия сговорится с Царём, образуется контрреволюционная сила, под видом объединения Царя с народом, в лице думского народного представительства. «Кто может ручаться, — горячился Суханов, — что от разрешения дать поезд Родзянко не зависит судьба революции? Надо благодарить железнодорожников за правильное понимание и доблестное выполнение ими долга перед революцией, и в поезде Родзянко отказать».

Мнение Суханова-Гиммера было поддержано большинством Исполкома, и вынесено постановление: в поезде Родзянко отказать, что и было передано пришедшему от Родзянко офицеру.

После ухода офицера Исполком продолжал обсуждать вопрос о судьбе Государя и членов Династии. Большевики высказывались за «изоляцию всего Дома Романовых, за смещение с военных и прочих постов великих и просто князей». Исполком решил, однако, арестовать пока лишь Государя и его семью, что и было поручено группе во главе с Чхеидзе. Не прошло и получаса, как Чхеидзе попросили во Временный Комитет, а в комнату Исполкома вбежал Керенский.

Он набросился с упреками на Исполком за отказ в поезде, доказывая, что

Исполком губит тем революцию, играет на руку монархии, Романовым... Исполком пересмотрел вопрос и большинством всех голосов против трёх (Суханов и б-ки Залуцкий и Красиков) постановил: разрешить дать Родзянко поезд.

Но с поездом должна была поехать группа с Чхеидзе. Родзянко, узнав, что навстречу Государю поедет и «батальон» какой-то красной гвардии с Чхеидзе, боясь подвергнуть жизнь Государя опасности, от поездки отказался. Государю на станцию Дно была послана телеграмма, что Родзянко выехать не может, но телеграмма эта застала Государя уже во Пскове.

***

А в Думу всё подходили новые и новые части. Пришло Михайловское артиллерийское училище, другие училища. Депутаты произносили речи. И если представители Временного Комитета призывали к порядку и дисциплине и повиновению офицерам, то представители Исполкома агитировали и призывали к углублению революции. Цели Комитета и Исполкома расходились.

Около 4 часов Думу облетел слух о приходе Гвардейского экипажа, с В. К. Кириллом Владимировичем.

В Гвардейском экипаже, которым командовал В. Князь, с утра было неспокойно. Матросы арестовали некоторых офицеров. Намечены были офицеры, с которыми предполагалось расправиться. Слухи из Кронштадта возбуждали матросов. Недобрый огнём горели глаза некоторых.

Таково было настроение, когда в Экипаж явился В. К. Кирилл Владимирович. Ему доложили, что матросы желают идти в Думу строем с офицерами. В. Князь знал, что правительства уже в Петрограде нет. Что власть в руках Думы. И В. Князь ведёт Экипаж в Г. Думу.

На Невском проспекте с какой-то крыши Экипаж обстреляли из пулемёта. Произошёл переполох. Строй нарушен. Часть матросов разбежалась. Придя в порядок, матросы продолжают путь. Великий же Князь, по приглашению какого-то студента, сел с двумя матросами в его автомобиль и приехал в Г. Думу раньше прихода туда Экипажа.

В. Князь просил провести его к Родзянко. Председатель встретил его в Екатерининском зале. Великий Князь доложил, что через несколько минут придёт Экипаж, который он и предоставляет в распоряжение Г. Думы. Родзянко благодарил и сказал несколько патриотических фраз матросам. В. Князя провели в одну из комнат Временного Комитета, барышни предложили чаю. Когда пришёл батальон Экипажа, к нему вышел начальник военной комиссии Гучков. Он призывал матросов к порядку и исполнению долга перед родиной. Батальон ушёл. Великого Князя обступили журналисты.

Появление в Г. Думе В. Князя произвело тогда большое на всех впечатление. И если одни радовались этому поступку, видя в нём одно из доказательств успеха революции, то другие были огорчены, считая поступок изменой Государю и недостойным для члена династии.

Часов около 8, усталый физически и морально, В. Князь вернулся к себе во дворец. Там его ожидал Гучков. Он был занят обороной Петрограда. По слухам, к столице идут эшелоны генерала Иванова. Гучков просил В. Князя занять с Гвардейским Экипажем главный вокзал, что, по его словам, предотвратит кровопролитие.

В. Князь ответил категорическим отказом. Гучков уехал. Многие утверждали, что В. Князь был украшен красным бантом. Офицер Павловского уни-

лица, следовавшего в Думу, на одном перекрёстке столкнулся с Экипажем и уступил ему дорогу, и категорически утверждал автору этих строк, что банта не было.

***

К вечеру настроение в Думе стало еще более тревожным. Из города сообщали об усиливающихся эксцессах с офицерами. Офицерство металось, не зная, что делать. Во всех частях уже прошел слух, что вышел приказ со свободами для солдат. Положение офицеров становилось критическим. Поздно вечером в громадном зале Армии и Флота состоялся митинг офицеров в несколько тысяч человек. Митинг постановил:

«Признать власть Исполнительного Комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительного собрания».

Кто подсунул эту нелепую резолюцию, осталось невыясненным. Ясно было, что только революционный психоз и страх перед разнужданной солдатчиной продиктовали тогда эту резолюцию.

Она, конечно, не является верным отражением тогдашнего политического настроения офицерства. Революционные демагоги, конечно, не верили этой резолюции, и она не спасла офицеров от насилий. Члены Исполкома Александрович и Юрьев составили погромную против офицеров прокламацию, которую и стали распространять по городу. Руководители Временного комитета, составлявшие список Правительства, волновались из-за незнания, что сделает Государь, из-за слухов о генерале Иванове и, наконец, — приказ номер первый, явившийся разорвавшейся бомбой для комитета. Было ясно, что вся воинская сила уходила в руки Исполкома.

— Мерзавцы, негодяи, губят Россию! — гремел Родзянко.

Разводили руками растерявшиеся прогрессисты.

В Царском Селе

Тревожно протекало 1 марта и в Царском Селе, и особенно во дворце. Всю ночь в Царском Павильоне волновались в ожидании приезда Государя. Ловили жадно каждый новый слух, приходивший по железнодорожному телеграфу. А слухи были нехорошие. Около 4 часов утра охрана выставила посты на путь проезда Государя. В Павильон приехали начальствующие лица. Говорили о Петрограде. Все надеялись, что с приездом Государя всё изменится. В 5 часов пришла первая страшная весть: поезд Государя задержан, Государя в Царское не пропустят. Страшная весть проникла во дворец, дошла до Царицы. Её Величество не хотела верить. Как, задержали Государя? Но кто же посмел это сделать, как могли это допустить! Что же делала железнодорожная охрана, Воеиков, Ставка, Алексеев...

Теперь можно было ожидать всяких нападений со стороны города. Вот почему генерал Гортен, вернувшись из Павильона, вызвал по телефону Родзянко и просил принять меры, чтобы не было кровопролития. Родзянко обещался прислать в Царское членов Временного Комитета для переговоров с гарнизоном. В этот день на Родзянко уже смотрели как на единственного человека, который может многое сделать.

Часов около 9 утра из Петрограда вернулась посланная туда депутация от частей охраны. Депутация была хорошо принята Гучковым. Гучков просил продолжать охрану порученных им лиц и имущества. Выдал на то удостоверения. «Мы, — говорили вернувшиеся солдаты, — умрём как один за царскую семью.

Мы не будем действовать против гарнизона, но и они не должны выступать против нас. Мы исполняем поручение Г. Думы».

Часов около 11 сообщили, что, по приказанию полковника Энгельгардта, прерывается телефонное сообщение и радио Царского Села со ставкою. Вскоре сообщили о приезде депутатов Вр. Комитета — Демидова и Степанова. Они проехали с вокзала в ратушу, беседовали с офицерами, объехали все казармы и беседовали с солдатами. Их встречали восторженно, играли «Марсельезу», кричали «ура». Подчинение Гос. Думе было и заявлено, и принято.

В 5 часов к Государыне приехал В. К. Павел Александрович. Он был очень взволнован и, увидев выстроенные около дворца части, сказал им какую-то несуразную речь, про которую спокойный и уравновешенный Бенкендорф выразился так: «Его слова произвели на нас всех печальное впечатление».

Государыня встретила Великого Князя очень сурово и резко упрекала его за бездействие, за недостаточный надзор за запасными батальонами гвардии, которые произвели бунт. Он старший из великих князей генерал-адъютантов в столице ничем не проявил себя.

Вернувшись домой, В. Князь приступил к составлению некоего акта, который от имени Императрицы и находящихся в столице членов династии давал заверение Г. Думе, что Государь даст конституцию. В составлении акта принимал участие князь М. С. Путятин и управляющий канцелярией Дворцового коменданта Бирюков. Акт был вручен графу Бенкендорфу для представления на подпись Её Величеству.

Около полуночи стало известно, что на вокзал прибыл в вагоне генерал-адъютант Иванов, а что эшелоны с его войсками где-то задержаны. Явилась надежда узнать что-либо про Государя. Императрица просила генерала приехать во дворец.

Генерал Иванов, приехав на вокзал, принял кого-то из представителей города и гарнизона и принял представившегося ему прибывшего из Петрограда полковника Доманевского, назначенного к нему начальником штаба. Доманевский доложил о том, что делается в Петрограде и высказал, «что вооружённая борьба только осложнит положение».

На вокзале же была вручена Иванову следующая наивная, легкомысленная телеграмма от начальника штаба Алексеева:

«Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко, заседая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала в России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства.

Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему всё изложенное и просьбу принять это пожелание народа.

Если эти сведения верны, то изменяется способ ваших действий. Переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междуусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы.

Воззвание нового министра путей сообщения Бубликова к железнодорож-

никам, мною полученное кружным путём, зовёт к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт.

Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно провести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию.

28 февраля 1917 г. № 1833. Алексеев».

По этой идиллической телеграмме было ясно, что Ставка весьма благожелательно настроена по отношению революционного правительства и признаёт даже его министров. Иванов, сообразив обстановку, решил: опубликовать приказ о своём прибытии, сделать Царское Село местом своего штаба и призвать всех оставшихся ещё верными Государю офицеров и солдат собираться к нему. Задержанные же (по приказанию Бубликова, распоряжения которого так нравятся генералу Алексееву) эшелоны привести в Царское походным порядком.

С таким планом в голове и с заготовленным в кармане приказом Иванов приехал во дворец. В ожидании приёма Иванов посвятил в свой план генералов Гортена и Ресина и церемониймейстера Апраксина, графа Бенкендорфа. Он даже показал им проект заготовленного приказа. Идиллическая телеграмма Алексеева свите была известна, т. к. она передавалась Иванову через дворцовую телеграфную станцию. Иванов сообщил свите, что отдаст приказ после аудиенции у Государыни.

Аудиенция у Её Величества продолжалась с часу до двух с половиной ночи. Государыня была рада узнать новости про Государя. Она хотела переслать через Иванова письмо Государю. Хитрый старик отказался его взять, объяснив, что у него нет человека для пересылки письма.

Выйдя от Императрицы, Иванов сообщил свите, что никакого приказа он издавать не будет. Собирать войска в Царском также не будет. Императрица против этого. Распрощавшись, генерал уехал на вокзал. Там ему вручили телеграмму от Государя следующего содержания:

«Царское Село. Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать.

НИКОЛАЙ. 2 марта 1917 г. 0 ч. 20 м.»

Эта высочайшая телеграмма разрешала все сомнения «диктатора». Он успел вернуться к своему эшелону в Вырицу.

А в Петрограде дрожали, что к столице приближается генерал Иванов, и Гучков метался по вокзалам, готовя оборону...

Всеславянское Издательство, 1960-1962. Нью-Йорк

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Ежемесячный журнал

№4 (160)

апрель 2017

Корректор Г. Володина •
Подписано в печать 20.03.2017 • Тираж 1500 экз.

Заказ №773
Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия»

127254, ул. Добролюбова, д. 6
Контактный телефон: 650-38-80